

— Путешествие на родину Д. Мамина-Сибиряка —

На Тагильском тракте

Тихо на родине Мамина-Сибиряка. Натянутой струной звенит горный воздух, млеют в жарком мареве лесистые склоны. Провылбит машина, проскрипит телега, возвращающаяся с покоса. Обесилевшая в борьбе с оконным стеклом муха на минуту воспрянет и яростно забьется о невидимую преграду...

Пусто в доме певца Урала. Смотрят со стен фотографии и живописные полотна. Но редкий взгляд скользнет по ним — не часто заглядывают сюда посетители. Свои, поселковые, наверное, наизусть все знают, а приезжих мало. Еще меньше, я уверен, тех, кто нарочно доберется до Висима — почти три часа по допотопной узкоколейке — нарочно ради встречи с автором «Приваловских миллионов». Организованного туризма в сущности нет, группы сбиваются от случая к случаю.

Огорчительно все это? Нисколько. Ибо, если кто и придет сюда своим ходом, то именно тот, для кого имя писателя, книги его не пустой звук. Тот, кто хочет пережить минуты встречи с родным гнездом выдающегося человека не для того, чтобы вздохнуть: э-эх, жили же люди!

Положа руку на сердце мне милее неорганизованное посещение таких вот обойденных громкой славой писательских домов. Наверное, здесь заповедная атмосфера сохраняется в большей чистоте, нежели там, где каждая былинка ощущается тысячами глаз.

Когда в середине прошлого столетия в семье висимского священника Наркиса Мамина появился сын Дмитрий, заводской поселок был много меньше, чем теперь. Но куда оживленнее. Тогда в центре под плотниной огромного пруда дымил железодельательный завод, на все лады гремели кричные молоты.

Сегодня на месте завода обширный пустырь. Остались лишь машинный цех постройки прошлого века да плотина. Последняя, впрочем, подверглась переделкам, и вода теперь шумит «вхолостую» — давным-давно нет рабочих колес, которые приводили в движение всю немудреную технику во времена молодости Мамина-Сибиряка.

Дмитрий Мамин чуть не каждый день видел чумазых «жигалей», доставлявших из дальних лесных куреней топливо для домен. Потом на страницах его романов не раз появляются эти бедолаги, которые, подгуляв в кабаке, пели:

Хуже нету той работы —
Куреня проклятого.

Он проходил по цехам, смотрел, как колдуют над огненной крицей огромные бородатые люди в кожаных фартуках, с опаской заглядывая на доменный двор, где по временам сыпало огненным дождем при разливке чугуна в ковш. Раскаленные капли падали вокруг и, разбиваясь о землю, остывали на ней серыми звездами...

Затем поднимался на плотину, смотрел сверху на спящую по заводскому двору толпу в грязных прожженных робах. По этой плотине однажды привезли к заводской конторе пойманного разбойника — коренастого мужчину в красной рубашке.

Впоследствии Дмитрий Наркисович несколько раз возвратится в своих сочинениях к поразившему его образу. Так и будет стоять перед взором писателя тот момент, когда Марзака (герой рассказа «Не у дел») повезут из Висима в Верхотурский острог. Разбойник, брэнча кандалами, истово крестится и кланяется на все четыре стороны обступившей дороге толпе. И долго видна его раскачивающаяся фигура, пока телега ползет пологим склоном по Тагильскому тракту... Уже в раннем романе Мамина-Сибиряка «В водвороте страстей» возникнет этот мрачный персонаж. Зрелый писатель вернется к нему и, работая над «уральской летописью» (так обозначен жанр произведения) «Три конца», сделает отчаянного Окулка — двойника страхолюдного одноглазого варнака — одним из видных действующих лиц книги...

Этот роман — не роман, а скорее поэму в прозе можно обозначить и по-иному — как энциклопедию жизни старозаветного Висима. Само название пошло от трех заводских краев, на которых селились выходцы из разных мест. Туземные жители — закореневшие в расколе «жержаки» — сидели здесь еще до начала промышленного освоения края и попали на крепостные работы к заводчикам Демидовым в силу, так сказать, географического рока. А вот другие — «туляки» и «хохлы» — были приведены на Урал много позднее, когда производство в демидовской железодельательной империи стало стремительно расширяться. Их купили «на вывод» у помещиков Тульской и Черниговской губерний, а в Висиме переселенцы устроились отдельными «концами», где по первости и избы по дедовскому пошибу ставили, и все обычай родины убе-

регали. Мало-помалу, однако, стали перенимать и бытовые привычки друг у друга, и песни соседские. Дольше всего держались отличия в речи.

Теперь, глядя на панораму поселка, не отличишь этих трех концов — все дома как будто на одну руку. Но если ты читал Мамина-Сибиряка, то словно бы прорежутся на фоне сплошной массы кражистых изб три разношерстных посада по склонам, сходящимся к пруду. И вот уже видятся выходящие из своих дворов невысокий старикашка Тит Горбатый, страшный деспот своей семьи, его сват и собутыльник Дорох Ковальчук. Вон там они сходились, у кабака, отмеченного порыжелой еловой лапой. А по той дороге уходили «жержаки» в раскольниковы скиты...

Никогда мы не смогли бы по-настоящему узнать прошлое своей страны, постичь смысл длинной череды событий, если бы художественная летопись не сохранила навечно образы людей, участвовавших в неостановимой работе истории. Можно прочесть горы архивных документов, познакомиться с выкладками экономистов и социологов, но так и не понять, как вершились перевороты в судьбах миллионов людей. Представление о двенадцатом годе у каждого из нас было бы беднее, не прочитай мы «Войну и мир». Понимание того, как рождалась промышленная мощь России, будет очень однобоким, если не прочесть книг Мамина-Сибиряка. Он первым глубоко проник в душу русского рабочего, и теперь отчетливо видно, какие черты нравственного склада уральского заводского люда стали определяющими в новую эпоху. При жизни писателя эти черты труднее было разглядеть, но сейчас они кажутся настолько рельефными, что в пору говорить о пророческом даре романиста. А он был только добросовестным свидетелем, говорившим от имени жизни.

Литература как зеркало времени, как психологическая летопись ушедших эпох... Но по-настоящему начинаешь ощущать плоть истории, когда на социально-экономическую картину, на художественные свидетельства накладывается самое главное — образ места действия. Скажем, не побывав в Ленинграде, не ощутив ритма грозных событий начала века, не пройдя по могучим складкам Куликова поля, не увидишь того, что свершилось здесь в зоревой час Великой Руси.

Идут обыкновенные люди, цветет герань на окнах, возле церковных стен играют дети. И вторым, подспудным планом прорезаются: огни, грохот огромных молотов, бородатые лица. Сильные люди, сильные чувства, сильные страсти. Все так и было, все точно запечатлел свидетель неложный...

Счастливо сложилась судьба маминского дома, не только прошлым живет он, у него есть будущее. Как не вспомнить тут про тех русских писателей, которым не так повезло. Таких, как Катенин.

Два года назад привелось мне побывать в усадьбе Павла Александровича под Чухломой. Памятен России этот друг Пушкина, самобытный поэт, большой умница и чудак. Полтора столетия хранил эту память чудный дом. Много светлых дум навевали поэту привольные виды, открывшиеся с усадебной высоты. Бывал здесь юный Писемский, внимал горьким речам оставленного за штатом генерала... Подумалось тогда: хорошо, если всегда будут вздыматься над одичавшим садом эти белые стены, если случайный путник послушает бессвязный лепет листьев и, вздохнув, вспомнит про Катенина, даст себе слово обязательно найти его сборник, прочесть старомодно-выспренние поэмы. Но, как оказалось, это было маниловское умиление на руинах. Жизнь распорядилась иначе — года не прошло, как сгорело гнездо поэта.

Хорошо, что такие примеры все-таки исключительны. Трудами и заботами земляков восстанавливается, сберегается то, что сохранилось от прошлого. Все больше памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью великих соотечественников, становится известно нам — открываются музеи, появляются мемориальные доски на примелькавшихся стенах. Когда земля не дичает, сквозь толщу лет слышится голос былого. Но если обжигую за сотни лет почву затягивает чертополохом беспомысленства, само время как бы исчезает, и существует только сейчас, ни прошлого, ни будущего...

Опять пылит дорога за кержацким концом. Может быть, на свидание с Маминим-Сибиряком идет кто-то? Не очень оживленный этот путь, но нет повода для печали. Потому что всегда встретишь на нем странников. Или так назовем их — пилигримы культуры.